

4. „[Царь] рассекаше [турок] надвое, а иных пресекаа наполю, не удръживаше бо ся мечь его ни в чем“ (452).

5. „Царь же подав ему [бегиларбею] щит, отведе копие и ударив его мечем в главу, и рассече надвое до седла“ (457).

6. „Достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав, яко лев, нападе на турки со избранными своими пешцы и конники и сечаше их крепко: ихже бо достигаше, разсекаше их надвое“ (22).

Защитникам Царьграда резко противопоставлены его жадные и жестокие завоеватели, для обрисовки которых автор повести нашел немало выразительных оценочных эпитетов, характеризующих султана Магомета и турецкую военщину: окаанный (445, 450), безверный (145, 447, 450), безбожный (447, 11), зверообразный (447), скверный (449), злонаравный (450), поганые (турки; только однажды, 456). Такие же характерные эпитеты и определения встречаем в описаниях отдельных моментов рассказа, прежде всего в изображениях битв.

Из стилистических приемов, типичных для поздней воинской повести, следует еще обратить внимание на большое количество развернутых союзных сравнений: „падаху... трупиа обоих стран яко снопы сз абрал, и кровь их течаше яко река“ (448); „побиша их [турок] гражане бесчистленно, закалаху бо их яко свиной“ (456); „яко молния бо блистаху от обоих оружия“ (9); „людие падоша от труда, яко мертвы“ (10); кровь течет „акы потоком сильным“ (14); греки нападают на турок, „акы дивии звери“ (29); воины изнемогают, „яко пиани“ (35); воеводы предлагают царю напасть на турок ночью, „якоже иногда Гедеон на Мадиамян“ (451).

Приведенные примеры сближают нашу повесть именно с поздней воинской повестью, значительная часть выражений ее встречается или в том же виде, или же в подобном, например, в повести о Динаре, относящейся приблизительно к тому же времени.¹ С воинскими же повестями старшей эпохи в идейном и стилистическом отношении наша повесть сближается редко.²

Отмеченные многочисленные элементы идеологии и стиля сближают нашу повесть с большой повестью о взятии Казани, с поздними редакциями „Сказания о Мамаевом побоище“, с повестью о Динаре и др. Роднит ее с этими произведениями общая концепция составителя, оценка событий, идейная основа, естественно нашедшие себе и внешнее выражение в самой конструкции повести и словесной стороне ее.

Анализ идеологии, композиции и стиля повести определенно ведет к выводу, что в ней мы имеем перед собой типичную воинскую повесть, сложившуюся в начале XVI века. Но из этого же анализа мы делаем и другой вывод: перед нами произведение русского книжника, произведение русское, а не переводное, хотя в основном своем фактическом содержании оно и покоится на чужом труде, недоступном нам теперь, на извлечении из записок современника и очевидца. Обработка этого основного источника должна быть признана сделанной на Руси применительно к политическим и литературным требованиям начала XVI века. Таким образом, вопрос о языке этого источника становится для нас вопросом второстепенным, поскольку мы касаемся литератур-

¹ М. Н. Сперанский. Повесть о царице Динаре в русской письменности. Известия ОРЯС АН, т. XXXI, 1926, стр. 70 и сл.

² Можно указать на выражения „пакость“ в смысле вред (446), „фарис“ — конь (458), известные из Девгениева деяния, „храбры“ — воины (447), „сила тяжкая“ — большое воинство (455), употребительные в повестях о нашествиях татар (при осаде Киева, например).